

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Центра фундаментальных исследований Государственного университе-
та – Высшая школа экономики (проект № 68)

Рецензенты:

доктора философских наук, профессора *И. Н. Грифорова, Г. В. Сорина*

Печатается по постановлению Ученого совета философского факультета
Государственного университета – Высшая школа экономики

Руководитель проекта и ответственный редактор –
доктор философских наук, профессор *Е. Г. Драгалина-Черная*

В 64 **Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика /**
Руководитель проекта и ответственный ред. Е. Г. Драгалина-
Черная. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. — 432 с.

ISBN 978-5-88373-248-6

Книга содержит материалы международной конференции «Онтология
возможных миров», проведенной в октябре 2009 года Центром фундамен-
тальных исследований Государственного университета – Высшая школа эко-
номики и явившейся результатом научного сотрудничества философского
факультета ГУ-ВШЭ и департамента философии университета города Кан
(Франция). Основная цель конференции состояла в сопоставление онтологи-
ческих предпосылок различных интерпретаций концептов «возможный мир»
и «возможный индивид» в истории логики и философии. Оригинальность
статей, собранных в настоящем издании, обусловлена включением логико-
семантической проблематики в широкий историко-философский, богослов-
ский и общенаучный контекст европейского средневековья, нового и новей-
шего времени.

Помимо статей участников конференции «Онтология возможных миров»
в издание вошли выполненные ими переводы классических работ Яаакко
Хинтики, Родерика Чизома, Дэвида Льюиса, Ричарда Пуртилла, Сандры Ро-
зенталь, написанных в героический период становления и бурного развития
семантики возможных миров конца 60-х – начала 70-х годов прошлого века,
а также комментированный перевод фрагмента «Дискуссионные вопросы
о могуществе Бога» «Суммы теологии» Святого Фомы Аквинского.

УДК 1/14
ББК С60,87

ISBN 978-5-88373-248-6

© Ответ. ред. Драгалина-Черная Е. Г., 2011
© Государственный университет –
Высшая школа экономики, 2011
© Издательство «Канон+»
РООИ «Реабилитация», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Г. Драгалина-Черная</i> Предисловие	7
ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ЛОГИКИ	
<i>Жером Лоран</i> О несуществовании возможных миров в античной филосо- фии (перевод с французского языка <i>Е. К. Карпенко</i>)	14
<i>И. В. Макарова</i> Возможны ли другие миры? Античная традиция и Фома Ак- винский	23
<i>Е. Г. Драгалина-Черная</i> Дедукции существования. Путешествия по возможным и не- возможным мирам	40
<i>Жиль Оливо</i> «Таинственный критерий различения истин необходимых и случайных», или трудность решения: Лейбниц и вопрос о наилучшем из возможных миров (перевод с французского языка <i>Е. К. Карпенко</i>)	67
<i>С. Е. Крючкова</i> Проблема возможных миров в философии Лейбница	114
<i>Ю. В. Горбатова</i> Плантинга о возможных мирах и всемогуществе	142
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЕМАНТИКИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ	
<i>Стефан Шовье</i> Возможности без миров (перевод с французского языка <i>Е. К. Карпенко</i>)	160
<i>В. Л. Васюков</i> Виртуальные объекты, интенциональные объекты и возмож- ные миры	186
<i>Л. Б. Макаева</i> Возможные миры: метафизика и здравый смысл	214
<i>В. В. Горбатова</i> Двойная роль возможных миров в логической семантике	228
	3

В. В. Горбатов

ДВОЯКАЯ РОЛЬ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ В ЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ¹

In this paper we consider the possible worlds ontology as an instrument of analysis and clarification of some traditional notions of philosophy, logic and semantics. How many facets does the concept of possible world have? What do these facets represent? Our aim is to divide two ways in which possible worlds can enter into the complex network of assertion, denotation and interpretation. The first way we call the «point of reference»; the second is to be the «context of use». To let possible worlds play both roles is to get a more adequate and flexible analytical tool which can bring us closer to the solution of many perplexed problems of modern logic.

В данной работе мы рассматриваем онтологию возможных миров как инструмент анализа и прояснения традиционных понятий семантики, логики, философии в целом. Какие грани имеют у понятия возможных миров? Что представляют собой их связи? Каковы их вхождения в сложную сеть взаимосвязанных отношений утверждения, референции и интерпретации? Какую именно роль могут и должны играть эти абстрактные онтологические сущности в семантических рассуждениях?

1. Идея возможных миров

Ещё со времен Лейбница метафизическая концепция возможных миров использовалась для различения понятий

¹ © В. В. Горбатов, 2010.

необходимой и случайной истинности, позволяя варьировать истинностную оценку одного и того же высказывания по мирам. Развитие неклассических логик в 50–60-е годы XX века возродило интерес к данной концепции, но уже в более абстрактной и строгой форме. Запросы логической семантики, быстро расширявшей круг интерпретируемых контекстов, привели к тому, что понятие «возможного мира», долгое время считавшееся искусственным и схоластическим, вернулось в лексикон логиков и философов. Оказалось, например, что для установления истинности модальных и интенциональных суждений необходимо не только (и не столько) соотнести эти суждения с имеющимися фактами, но и путем рассмотрения некоего пространства достижимых альтернатив выявить основания для самого акта утверждения.

Соответствующим образом нужно было переосмыслить также понятия смысла (интенционала) и значения (экстенционала) языковых выражений. Кёртис Энтони Андерсон характеризует данный подход следующим образом: «Знать значение выражения – это знать способ, которым вещи должны быть, чтобы предложение было истинным. Этот способ, которым вещи должны быть» и есть возможный мир. Отсюда мы можем принять в качестве смысла или интенционала предложения множество возможных миров, в которых оно истинно – или, что одно и то же, функцию из возможных миров в истинностные значения, истину и ложь, которая определяет это множество миров» [Anderson 1984: 355].

2. Первая роль возможных миров

Таким образом, в первую очередь возможные миры служат *точками соотнесения*, относительно которых приводится истинностная оценка высказываний. Отметим, что точки соотнесения не обязательно должны быть одно-

факторными – они могут рассматриваться как кортежи, включающие не только определенные положения дел, но также моменты времени, агентов познания или оценивания и т.п.

Отталкиваясь от этого подхода, возможные миры принято компоновать в множества, соответствующие условиям истинности тех или иных высказываний. Выше у Андерсона эти множества были названы *интенционалами*. Но, строга говоря, их семантический статус не вполне ясен – возможно, такие множества следует считать все же *экстенционалами* высказываний? Ответ на данный вопрос зависит, очевидно, от трактовки самих понятий интенционала и экстенционала, смысла и значения. Здесь можно выделить два подхода, которые мы условно назовем *линией Фреге* и *линией Буля*.

Линия Фреге основана на отождествлении значения (*bedeutung*) высказываний с их истинностной оценкой. Это приводит к тому, что значением всех истинных предложений становится один и тот же объект *das Wahre* (Истинное), а всех ложных – объект *das Falsche* (Ложное)¹. Очевидно, такой подход абсолютно не совместим с представлением о множественности возможных миров – в качестве единственного Мира здесь выступает абстрактный объект *das Wahre*, чем-то напоминающий Единое элеатов. И поскольку высказывания в концепции Фреге можно было соотносить только с этим единственным Миром, они неизбежно должны были вести себя как непустые единичные имена, имена истинностных значений. Кстати говоря, эти выводы вполне соответствовали семантическим интуициям йенского логика, который вообще не признавал общих

¹ «На каждое утвердительно-повествовательное предложение, относительно которого ставится вопрос о значении его слов, надо, таким образом, смотреть как на собственное имя, причем на такое, значение которого, если таковое существует, есть либо истина, либо ложь» [Фреге 2000: 235].

имен, считая их не знаками классов, а «понятнейшими словами», то есть знаками функций¹.

Линия Буля основана на противоположной точке зрения. Известно, что у него имелось две интерпретации того, что мы сегодня называем булевой алгеброй – логика классов и логика высказываний. Однако интуитивно интерпретация на классах всегда была ему ближе, и, вероятно, что бы подчеркнуть это, он допускал сведение алгебры высказываний к алгебре классов. Высказывания, считал он, могут быть истолкованы как множества случаев, или множества обстоятельств, при которых они истинны². Именно к этой мысли, на наш взгляд, восходят идейные корни логической концепции возможных миров (положений дел, ситуаций, инфонов, описаний состояний), развитой впоследствии в трудах Карнапа, Крипке, Прайора и др. Характерно, что высказывания в этом ключе трактуются уже более широко – они вполне могут оказаться не только единичными, но также пустыми или общими именами.

Так что же представляют собой множества возможных миров относительно интерпретации высказываний? Если исходить из концепции Фреге, они должны играть роль интенционалов (смыслов). Если же принимать подход Буля, то их правильнее будет считать объектами более высокого ранга – например, функции из множества возможных миров в множество его подмножеств (как, например, в прагматике Монтегю). Интуитивно их можно рассматривать как инструкции, позволяющие в каждом возможном мире

¹ Эту особенность своего учения Фреге хорошо разъяснил в знаменитом письме к Гуссерлю (см.: [Бирюков 2000: 492]).

² «Универсум, или 1, будет охватывать все мыслимые случаи и степени обстоятельности» [Boole 1948: 49]. Эта трактовка, помимо прочего, хорошо стыковалась с его исследованиями в области теории вероятностей. В некоторых работах он также пытался интерпретировать высказывания на множестве моментов времени, но не очень удачно.

установить экстенционал данного высказывания. Получившиеся модели, без сомнения, будут гораздо более сложны, так как в них по мирам варьируются не только истинностные оценки, но и экстенционалы высказываний. Очевидно и то, что в подобных моделях делается серьезный шаг в сторону прагматики – мы не обязаны отождествлять значение высказываний с условиями их истинности, важной составляющей процесса референции оказывается *контекст употребления*.

3. Прагматический поворот

Осознанию данного обстоятельства немало способствовало различие *пропозиций* и *предложений*. Изначально (со времен Фреге) пропозиция мыслилась как довольно абстрактная сущность, относящаяся скорее к сфере мышления, чем языка. По сути, пропозицией называют инвариант перевода некоего предложения на любые естественные языки. Сами же предложения всегда мыслятся как непосредственно привязанные к языку, на котором они сформулированы. Так, предложения «Снег бел» и «Schnee ist weisse» являются различными, хотя и выражают одну и ту же пропозицию. Стало быть, переход от пропозиций к предложениям сам по себе неизбежно должен был сопровождаться изменением концепции значения в сторону конституализации, привязки к конкретному языку. Интересно заметить, что Буль [Boole 1948], в отличие от Фреге [Фреге 2000], предпочитал говорить не о пропозициях, а о предложениях – возможно, именно этим и была обусловлена его теория референции.

Следующим шагом в указанном направлении стало различие *предложений* и *употреблений* (utterances) (см. [Malinowski 2003]). Последние предполагают привязку не только к языку, но и к конкретным обстоятельствам произнесения – локальным ситуациям, отвечающим, в частно-

сти, за приписывание значений индексным выражениям типа «он», «там», «вчера» и пр. Переход от предположений к употреблением диктовал еще больший учет прагматических факторов при определении референции высказываний.

Это можно проиллюстрировать на примере двух контрфактических условных суждений:

(T1) Если бы снег не был белым, то предложение «Снег бел» не было бы истинным.

(T2) Если бы «снег бел» не означало, что снег бел, то предложение «Снег бел» не было бы истинным.

Сравнимая (T1) и (T2), мы видим, что их семантический статус неодинаков: первое является необходимо истинным, второе же может оказаться как истинным, так и ложным. Более того, совершенно ясно, что истинность предложения «Снег бел» в равной мере зависит от двух фактов – одного языкового («Снег бел» означает, что снег бел), и одного внеязыкового (снег бел). Языковой факт касается предложения и определяется обстоятельствами употребления. Внеязыковой факт касается пропозиций и определяется неким физическим событием. Но оба они представляют собой ситуации, наличие которых может варьироваться по мирам.

Таким образом, мы хотим подчеркнуть, что некоторая двойственность была заложена в концепции возможных миров изначально – даже тогда, когда мирам отводилась роль всего лишь точек соотнесения. Ведь сам объект такого соотнесения мог быть понят в широком диапазоне – от контекстно-независимых, абстрактных *пропозиций*, до ситуационно-обусловленных, предельно конкретных *употреблений*. Соответственно вклад прагматического фактора в семантику мог колебаться от ничтожно малого (Фреге) до определяющего (Монтегю).

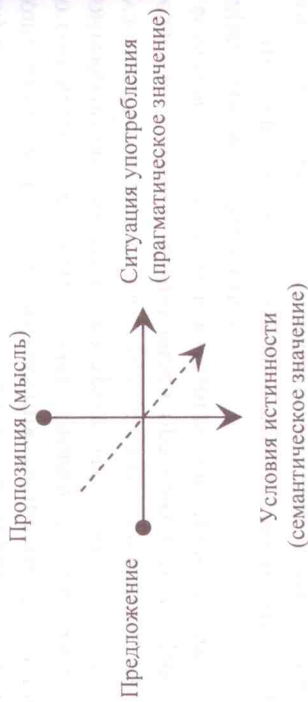
Это подводит нас к вопросу о том, что возможные миры могут использоваться не только как точки соотнесения, но

и как контексты употребления. Чтобы сделать столь решительный шаг, необходимо признать принципиальную неустраиваемость ситуационно-обусловленной перспективы из семантики. Надо согласиться, что контексты представляют собой не случайный «шум», мешающий установлению объективного, устойчивого значения высказываний, но необходимый элемент всякого акта референции, заслуживающий того, чтобы к нему относились всерьез.

4. Вторая роль возможных миров

Из сказанного вытекает вторая роль возможных миров – они могут выступать в качестве контекстов, или условий употребления. Что если экстенционал не определяется исключительно условиями истинности? Что если он в не меньшей степени определяется еще и обстоятельствами употребления, то есть контекстом?

Говоря о возможных мирах как о контекстах, мы должны упомянуть концепцию языковых игр «позднего» Витгенштейна. Действительно, с прагматической точки зрения миры субъектов погружены в речевые практики, где значением выражений выступает их употребление. Для наглядности изобразим две альтернативные концепции значения в виде ортогональных векторов:

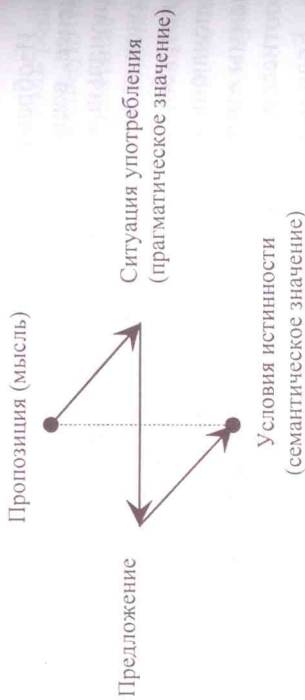

Изображенная на данной диаграмме ситуация, тем не менее, верна лишь наполовину. Нам представляется неадекватным излишне заострять противопоставление подходов «значение как условия истинности» и «значение как употребление». Эти подходы вовсе не являются взаимоисключающими, и формулировать выбор в виде жесткой дилеммы «миры – либо контексты употребления, либо точки соотношения» было бы неправильно.

Если подумать, прагматическая релятивизация значения к контексту имплицитно заложена и в обычной семантике возможных миров. Только контекст по умолчанию представляется универсальным – собственно, контекстом выступает как бы вся модель в целом. То есть истинностное значение высказывания, разумеется, варьируется по мирам, а вот экстенционал – нет. Как следствие, если высказывание истинно в определенных мирах, то необходимо, что оно истинно в этих мирах.

Значит, допуская ситуационное варьирование прагматики высказывания, мы не только не вводим новых ограничений, но фактически отказываемся от старых – а именно, от принципа универсальности контекста, который молчаливо предполагался ранее. Разбив универсум миров на множество контекстов, мы должны признать, что каждый из них может оказаться существенным образом неполным, частичным, а возможно, даже и противоречивым. Это приводит нас к признанию «ненормальных» – неполных и/или противоречивых миров¹.

¹ Часто такие объекты отличают от «миров» в узком смысле слова, называя их ситуациями (Барвайс и Перри), положениями дел (Хинтика), событиями (Остин), инфонами (Селигман). Однако в контексте рассматриваемой проблемы мы абстрагируемся от этих различий, трактуя «возможные миры» настолько широко, чтобы с помощью этого понятия можно было ухватить тенденцию, объединяющую отдельные области логической науки (каждая со своей внутренней терминологией).

Есть глубокая внутренняя связь между признанием конкретности значения и прагматической контекстуализацией. И связь эта лучше всего формулируется в терминах возможных миров:

1) Если мы в поисках референции для высказываний переходим от абстрактных фрегевских *das Wahre* и *das Falsche* к конкретным ситуациям, то фактически это означает отказ от принципа единственности нашего мира как точки соотнесения. Пока универсум возможных миров W ограничивается одним, безальтернативным действительным миром w , в таком «логическом пространстве» (используя терминологию раннего Витгенштейна) могут существовать только две ситуации – пустая \emptyset и универсальная $\{w\}$. Это, по сути, и есть фрегевские денотаты «Истина» и «Ложь». Как только мы признаем наличие по меньшей мере двух возможных миров, отождествление денотатов высказываний (понятых как ситуации в логическом пространстве) с их истинностными значениями проваливается – если число истинностных значений 2, а миров n , то число возможных ситуаций, очевидно, будет 2^n , и ус- тановить взаимно-однозначное соответствие между W и $\{\{w\}, \emptyset\}$ мы не сможем.

2) Однако, если мы провели различие между значением высказывания и его истинностным значением, то возникает вопрос: почему первое должно быть стабильным по мирам,

тогда как второе существенным образом варьируется? С какой стати одному высказыванию во всех мирах должны соответствовать одни и те же ситуации? Ведь тогда и релятивизация истинности будет не окончательной: обязательно найдется по крайней мере один вид высказывания – высказывания тождества, который ни при каких обстоятельствах не будет менять своё истинностное значение по мирам. А это по меньшей мере непоследовательно. Хотя уж мы признаем множественность миров в вопросе установления истинности, то должны допустить подобный плюрализм и в вопросе установления значения. Так из идеи множественности миров как условий истинности вытекает идея множественности миров как контекстов употребления.

5. От бинарных отношений к тернарным

На самом деле, важный шаг к прагматической концепции значения сделал еще Крипке, введя отношение достижимости между мирами. В результате оценка высказывания как необходимого или возможного стала осуществляться не относительно модели в целом (т.е. всего множества возможных миров), а относительно того или иного отдельно взятого мира – с учетом того, какие миры достижимы именно из него. Но при этом не будем забывать, что логические свойства отношения достижимости у Крипке задаются в рамках той или иной модели, а от самих миров не зависят.

Но очевидно, что мы можем рассмотреть крипкевское отношение достижимости между мирами не как бинарное, а как тернарное. В собственно крипкевских моделях роль третьего элемента этого отношения по умолчанию играет модель в целом – т.е. всё множество возможных миров, – что позволяет от него спокойно абстрагироваться. Но как только третий элемент перестанет быть константой и нач-

нет вносить существенный вклад в вопрос установления отношений достижимости, иллюзия бинарности этого отношения рассеется.

Очень важно, что по указанному пути, независимо друг от друга пошли сразу несколько направлений современной логики. Мы хотели бы проиллюстрировать эту тенденцию тремя примерами:

1) *Релевантная логика*. Решая парадоксы материальной импликации, релевантистам приходится вводить новый кондиционал. Импликация, чтобы быть более содержательной, должна учитывать некоторые особенности контекста – по крайней мере, структуру конструируемого с её помощью вывода. В качестве наиболее удобной модели для системы R Routли и Мейер предлагают семантику возможных миров с трехместным отношением достижимости: «мир *a* достижим из мира *b* при условии (или посредством) мира *c*» (см. [Dunn 2001], [Restall 1996]).

2) *Эпистемическая логика*. Решая парадокс Фитча (о познаваемости мира) (см. [Шрамко 2004]), Дороти Эджингтон [Edgington 1985] предлагает отказаться от понятия бесконтекстного знания, всякое знание помещается в контекст некоего мира (ситуации). Мы не можем просто *знать* о ситуации безотносительно к положению познающего агента – знание агента *x* о ситуации *y* всегда локализовано в какой-то ситуации *z*. Другими словами, формулы с эпистемическим оператором *K* релятивизируются к возможным ситуациям, что позволяет различить понятия «познаю» и «познаваемости» и избежать выявленных Фитчем трудностей, связанных с коллапсом второго понятия в первое.

3) *Нефрегевская логика*. Решая парадокс «рогатки Чёрча», Барвайс и Перри предлагают ситуационную семантику, в которой понятие контекста играет центральную роль. Постулируется, что любое высказывание говорит столько же о своих условиях истинности, сколько и о своем кон-

тексте употребления. Информационный процесс реализуется через тернарное отношение, для обозначения которого Барвайс [Barwise 1993] использует формулу $s_1 \rightarrow^c s_2$ («информация о ситуации s_2 достижима в ситуации s_1 через канал c »). Соответственно возникает возможность введения особой связи кориференциальности – более сильной, чем связь материальной эквиваленции, – с ярко выраженным ситуационным характером. Особенно интересна в этом отношении семантика Вен Сюйфеня [Xuefeng 2007] для его нефрегевской логики PLRI, в которой имеется тернарное отношение контекстного тождества типа «*a* кориференциально *b* при условии *c*».

Можно констатировать, что тенденция прагматической контекстуализации логических констант просматривается на всех уровнях: на уровне связок, операторов и даже отдельных атомарных высказываний (см. [Tokarz 1987]).

Таким образом, идея возможных миров как контекстов употребления, – в которых не только (и не столько) устанавливается истинность, но и детерминируется значение высказываний, формируются условия их утверждаемости, – имеет большой эвристический потенциал. Позволяя возможным мирам играть сразу *две роли* в фундаментальных семантических эквивалентностях (типа схемы Тарского), мы получаем более гибкий и адекватный инструмент анализа человеческого мышления, что приближает нас к решению самых сложных и запутанных проблем современной логики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюков 2000 – Бирюков Б.В. В логическом мире Фреге // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000.
- Фреге 2000 – Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000.
- Шрамко 2004 – Шрамко Я.В. Парадокс познаваемости и кризис антиреализма / Аналитическая философия // Под ред. Лебедева М.В., Черняка А.З. – М.: РУДН, 2004.
- Anderson 1984 – Anderson C.A. General Intensional Logic // Handbook of Philosophical Logic. Eds. D. Gabbay, F. Guenther. D. Reidel Pub. Comp. 1984. V. II.
- Barwise 1993 – Barwise J. Constraints, Channels, and the Flow of Information // Situation Theory and its Applications (ed. by S.Peters and D. Israel), CSLI Lecture Notes. V. 3. Chicago, University of Chicago Press, 1993.
- Boole 1948 – Boole G. The Mathematical Analysis of Logic. Oxford: Basil Blackwell, 1948.
- Dunn 2001 – Dunn J.M. Ternary relational semantics and beyond: programs as arguments (data) and programs as functions (programs) // Online Journal «Logical Studies». 2001. No.7.
- Edgington 1985 – Edgington D. The Paradox of Knowability // Mind. 1985. № 94. P. 557–568.
- Malinowski 2003 – Malinowski J. The pragmatic Interpretation of Utterances // Logic and Logical Philosophy Volume. 2003. № 11. P. 115–127.
- Restall 1996 – Restall, G. Information Flow and Relevant Logics // J. Seligman and D. Westerstahl (eds), Logic, Language and Computation, Volume 1, Stanford, 1996. P. 463–478.
- Tokarz 1987 – Tokarz M. Remarks on referential matrices // Bulletin of the Section of Logic, Volume 16/2 (1987). P. 89–91.
- Xuefeng 2007 – Xuefeng W. A Propositional Logic with Relative Identity // Studia Logica. 2007. № 85. P. 251–260.

Об авторе

Горбатов Виктор Викторович, старший преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Государственного университета – Высшая школа экономики. Сфера научных интересов: логическая семантика, аналитическая философия, нефрегевские логики, ИГ-логика. Основные публикации: Аллогенизм и идиогенизм: борьба двух традиций в философской логике на рубеже XIX–XX веков // Философская традиция как понятие и предмет историко-философской науки: материалы межвузовской конференции. М.: РГГУ, 2006; Проблема истины в нефрегевских логиках // Известия РГПУ им. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 29; Логика для гуманитариев // Гуманитарное измерение меняющегося мира. – М.: МЭСИ, 2008; От логики эпистемологии к эпистемологии логики // Актуальные проблемы духовности: сборка научных пращ. Кривий Ріг. 2009. Випуск 10. Между Calculus Ratiocinator и Characteristica Universalis: спор двух парадигм в философской логике на рубеже XIX–XX веков // Философский журнал. 2009. № 2(3); Логический анализ рациональности: назад к кратической эпистемологии? // Актуальные проблемы гуманитарных наук. М.: МЭСИ, 2009; К вопросу о философских основаниях семантики возможных миров // Актуальные проблемы гуманитарных наук. М.: МЭСИ, 2009 (в соавторстве с Ю.В. Горбатовой).